

С. И. Лиман

История средних веков в трудах харьковских исследователей (1804–1835 гг.)

Проблема зарождения отечественной медиевистики принадлежит к числу наиболее дискуссионных в историографии. Стало по сути хрестоматийным мнение о том, что медиевистика Российской империи зародилась в 1839 г., когда в Московском университете начал свою деятельность Т. Н. Грановский [1, с. 281]. Главным образом этим и объясняется то обстоятельство, что наибольший интерес для исследователей представляет, прежде всего, тот период медиевистики, когда она уже окончательно сложилась (вторая половина XIX—начало XX в.). Между тем, история зарубежного средневековья фигурировала в учебных планах под разными названиями почти сразу после открытия в 1804 г. Харьковского университета. Отдельные проблемы средневековой истории рассматривались в течение первого тридцатилетия его деятельности на страницах более чем двух десятков научных работ, включенных в библиографические указатели XIX в. [2; 3] Самым распространенным видом этих научных работ являлись акты речи. Их авторами были специалисты самых разных областей знаний, в основном историки и юристы. И хотя ни одна из них не была целиком посвящена средним векам, тем не менее, анализ подобных работ способен дать определенное представление о воззрениях харьковских ученых на историю средних веков на этапе зарождения отечественной медиевистики. Этим этапом следует считать 1804–1835 гг. — время от открытия Харьковского и ряда других императорских университетов до принятия консервативного университетского Устава 1835 г. В этот период Харьковский университет являлся единственным университетом украинских земель Российской империи. Актуальность такой работы связана еще и с тем, что в историографии не предпринималась попытка комплексного освещения вклада харьковских ученых в 1804–1835 гг. в изучение истории зарубежного средневековья. Некоторые аспекты данной тематики затрагивались лишь в контексте изучения научного наследия отдельных историков (А. А. Дегуров, В. Ф. Цых) [4; 5, с. 43–46] или отдельных узких проблем [6, с. 44; 7, с. 202; 8, с. 60; 9; с. 50–51; 10, с. 71–73]. Таким образом, цель данной статьи — показать вклад харьковских медиевистов в 1804–1835 гг. в изучение истории средних веков. Отметим, что данная статья является частью исследуемой автором темы «Средневековая Западная цивилизация и Восточно-православный мир: общее и особенное (Опыт исследования в Украине в 1804—первой половине 1880-х гг.)».

Первым лектором истории средних веков в Харьковском университете был немецкий ученый А. Рейниш [11, с. 245]. В «Обзрении преподавания на 1805/06 уч. г.» [12] впервые значится его курс «Всемирная история и география» с разделом по средневековой истории. С 1808 г. преподавание всемирной истории перешло к французскому профессору А. Дю Гуру (А. А. Дегурову). Его курсы носили разное название: «История народов с XV в.» (1808/09 уч. г.), «Критика истории» (1810/11, 1812/13,

1815/16), «Курс о политических, гражданских и церковных учреждениях народов мира» (1808/09), «Новейшая история с XII в.» (1810/11, 1815/16), «О ходе истории позднейших народов» (1810/1811), «Общее и философское обозрение всеобщей истории от падения Рима» (1811/1812), «Курс всеобщей истории от упадка Римской империи до начала наших времен» (1813/14; 1814/15), «Новейшая история от XV в.» (1816/17) [12]. Напротив, курсы его ученика и коллеги Д. Г. Адамовича носили одно и то же название — «Всеобщая история» и включали в себя в 1813/14, 1816/17, 1817/18 уч. г. разделы по истории средних веков [12]. Впервые же в «Обозрениях преподавания предметов» самостоятельный курс «История средних веков» значился в 1821/22 уч. г. [12] и читал его Е. М. Филомафитский.

Первый лектор истории средних веков А. Рейниш не оставил после себя научных трудов. В отличие от него, о некоторых воззрениях А. А. Дегурова на историю средних веков мы можем судить по двум его актовым речам: «Критика истории и ее защищение» (1808) и «О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812).

Несмотря на то, что ученый трижды на протяжении своей первой речи называл историю не иначе, как отраслью словесности, отношение к ней как к художественному роману вызывало его осуждение. Выступал он и против того, чтобы история представляла собой лишь описание деяний великих людей: «...Обычаи, законы, нравы, торговля, финансы, земледелие, население, искусство, науки, литература, одним словом — все, что служит к познанию положения народов и состояния человеческого ума, должно быть неразделимо с картиной войны и революции» [13, с. 33]. Таким образом, уже на раннем этапе зарождения отечественной медиевистики А. А. Дегуров настаивал на многофакторном подходе к изучению истории.

Истории средних веков он касался на примере анализа ряда ключевых событий Франции, Германии, Испании. Нантский эдикт 1598 г., положивший конец гражданским войнам, он считал причиной последующего процветания Франции, а одной из главных причин ее ослабления — пересмотр Нантского эдикта и гонения на гугенотов [13, с. 35]. Схожим образом причину упадка позднесредневековой Испании А. А. Дегуров усматривал прежде всего в изгнании испанским правительством из страны мавров и евреев [13, с. 41]. А. А. Дегуров не пояснял, что те и другие были тесно связаны с торгово-промышленной деятельностью, и не указал на одну из особенностей испанского абсолютизма — отсутствие протекционистской политики. Веротерпимость ученый обнаружил и характеризуя Тридцатилетнюю войну: «Так войны за веру, опустошившие Германию, доказали государям, что всякое гонение за мнение рождает одно бедствие, и что терпимости населяют и обогащают царства» [13, с. 35]. Таким образом, в Тридцатилетней войне он увидел лишь столкновение религиозных интересов. Ограниченность подобной трактовки очевидна.

Наиболее авторитетными историками А. А. Дегуров считал Вольтера, Даламбера, Монтескье, Боссюэ, Реналья. Однако, указав на огромную научную продуктивность своих соотечественников, А. А. Дегуров подчеркнул, что историография Англии отличается большей объективностью, чем французская [13, с. 38]. Д. Юма и В. Робертсона, посвятивших значительную часть своего творчества истории средних веков, А. А. Дегуров назвал крупнейшими представителями английской историографии.

В другой своей речи «О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812) ученый уделил основное внимание именно истории средних веков. В его изображении эта эпоха была неразрывно связана со зрелищами «опустошения и ужаса, от коих тогда стонала Европа» [14, с. 40]. В чем же видел А. А. Дегуров причину этого ужаса? В недостатке науки и просвещения! Средневековье историк считал временем, которое не могло предъявить спрос на науки, и, говоря о причинах неудачи, постигшей Карла Великого при попытке восстановить «вкус к наукам», отмечал, что «век его не мог соответствовать его духу» [14, с. 41]. Успехи

образования, причин которых автор так и не назвал, стали очевидными уже позднее. А. А. Дегуров особо выделял здесь учебные заведения арабской Испании, где обучались ученики со всей Европы. «Первый народ, воспользовавшийся плодами сих заведений, были итальянцы, — подчеркивал автор. — Торговля обогатила их большие города; богатство же, ищущее всегда наслаждений, открыло в произведениях искусств новые для себя роды выгод и удовольствий. От того живопись, ваяние, зодчество и музыка получили совсем новую жизнь» [14, с. 43]. Другой причиной расцвета в Италии наук, образования и искусства А. А. Дегуров считал массовое переселение на Апеннинский полуостров византийских ученых и мастеров.

Таким образом, главные особенности эпохи средневековья, по А. А. Дегурову — не политические, правовые или социально-экономические, а уровень развития просвещения и наук. Даже Великие Географические открытия харьковский профессор считал результатом потребностей не столько политиков и купцов, сколько ученого мира. В подобных воззрениях А. А. Дегурова угадывается влияние просветителей, в частности Вольтера, который видел основное содержание исторического процесса в борьбе разума с невежеством и отводил решающую роль развитию просвещения [15, с. 37].

Данная тематика рассматривалась несколькими харьковскими учеными. В их актовых речах обращалось внимание на развитие образования и культуры в средневековой Европе. Об этом в своей речи «О влиянии университетов на образование и благосостояние народов» (1808) говорил, в частности, Л. Якоб. «Какое же... множество явилось ученых, и с каким успехом распространилось просвещение в Англии, Германии, Франции и даже в Италии того времени, когда в сих землях университеты и другие учебные заведения были основаны?» [16, с. 80]. Однако, подчеркивая роль средневековых университетов в распространении образования, Л. Якоб, в отличие от А. А. Дегурова, незаслуженно отодвинул Италию во второй эшелон университетских центров.

Значительно шире была представлена география средневекового образования в речи Х. В. Роммеля «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения» (1811). Находясь под влиянием историографии Просвещения, ученый противопоставлял образование и науку «варварским средним векам» в «невежество погруженным» [17, с. 49]. В отличие от Л. Якоба, Х. В. Роммель относил первые попытки борьбы с этим невежеством не ко времени образования университетов, а к эпохе «каролингского возрождения» [17, с. 49]. Контрастом с рассуждениями Л. Якоба прозвучало и признание огромной роли средневековой Италии в деле европейского образования. Х. В. Роммель дважды подчеркивал ее первенствующее значение, как «земли тогда в самом цветущем состоянии находившейся» [17, с. 49, 50] и указал на то, что переселившиеся туда греки «открыли путь всем изящным наукам» [17, с. 49].

Анализ воззрений харьковских ученых на сущность средневекового образования и науки, априори, предполагал изучение взаимоотношения науки и церкви. В своей речи «Об истинной цели образования человека посредством наук и изящных искусств» (1821) Е. Филомафитский считал, что эти науки и искусства «должны открывать уму нашему ту лестницу, по которой он может восходить от познания твари до познания Творца» [18, с. 35]. В связи с этим, распространение христианства среди варварских народов раннего средневековья Е. Филомафитский считал благом для них самих и их правителей. Последние, по его мнению, с переходом в христианство «являли в себе пример послушания, порядка, благоустройства» и им противопоставлялись правители языческих времен [18, с. 38]. Еще более определенно высказался на этот счет Ф. Чанов в речи «Об основных формах, изображающих явления нравственной жизни» (1832). Анализируя политические и философские теории средних веков (в том числе Макиавелли), он подчеркивал, что «философия и религия имеют одну цель; но, имея одну цель, имеют разные основания, значит противоречат себе взаимно» [19, с. 120]. «Ложные учения» представителей различных наук средневековой и новой Европы, по определению Ф. Чанова, «производят вредные действия на счастье част-

ных людей, на благосостояние семейств и спокойствие целых обществ» [19, с. 84]. Эти философские системы Ф. Чанов считал «ветвями», «отторгнутыми реформацией от древа Веры, конечно тогда засыхавшего от злоупотреблений католиков» [19, с. 120]. И хотя Ф. Чанов, таким образом, верно признавал закономерность Реформации, предостерегающее содержание его речи вполне отражало реалии николаевской эпохи, крайнюю избирательность чиновников в отборе для учащихся научных трудов.

В истории средневековой науки харьковские ученые обращали внимание не только на гуманитарные области знаний. В своей речи «О счетных системах» (1824) М. Байков представил краткий очерк десятиричной математической системы, которая «в Европу перешла от арабов или испанских мавров» [20, с. 11]. Ученый верно показал роль Герберта (в последующем папы Сильвестра II) в распространении этой системы в христианской части Европы после своего путешествия в арабскую Испанию, хотя ошибочно называл Герберта «доминиканцем». Сославшись на данные сочинений арабских и византийских авторов, М. Байков доказывал происхождение десятиричной системы от индийцев, у которых она впоследствии была заимствована арабами. Речь М. Байкова включала в себя не только источниковедческий, но и историографический аспект рассматриваемой проблемы: он, в частности, сопоставил теории происхождения чисел в трудах зарубежных историков математики. Отметим, что история средневековой математики будет активно изучаться и впоследствии [21].

Одним из наиболее известных ученых Харьковского университета в рассматриваемый период был профессор юриспруденции И. Ф. Тимковский. Наряду с В. Н. Каразиным, он стоял у истоков создания Харьковского университета, входил в «Комитет правления по делам университета» [22, л. 19] и, судя по переписке И. Ф. Тимковского с губернатором И. И. Бахтиным, ученый умело преодолевал трудности, возникавшие в процессе сбора денежных пожертвований [23, л. 208]. Его научное наследие может представлять интерес в первую очередь с точки зрения изучения аналогий византийского и русского права. Этому была посвящена его работа «Сравнение Юстиниановых законов с российскими» (1808), которая, к сожалению, не сохранилась. Биограф И. Ф. Тимковского, Н. В. Шугуров, перечисляя его научные труды, написал по этому поводу следующее: «Кроме того, в бумагах Тимковского есть указание на написанное им в это же время (1808 г. — С. А.) на латинском языке сочинение «Сравнение Юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское ученое общество в 1809 г. избрало Тимковского в свои члены; когда и где было издано это сочинение — нам не известно» [24, № 9, 406]. Подобная оценка работы харьковского профессора со стороны немецких ученых вполне позволяет говорить о ее высоком научном уровне. Главные ее выводы, скорее всего, легли в основу сохранившейся речи И. Ф. Тимковского «О применении знаний к состоянию и цели государства» (1808). «Если бы европейцы, — отмечал в ней харьковский ученый, — не ввели у себя римского права, Юстинианом уложенного, что были бы по сие время собственные их уставы, судопроизводство и зависящие от них дела правления?» [25, с. 23]. Отметим, что рассмотренная И. Ф. Тимковским тема влияния византийского права на отечественное законодательство во многом предопределила одно из направлений научных разработок таких известных ученых второй половины XIX в. как харьковский профессор Н. А. Лавровский и киевский профессор В. С. Иконников.

И. Ф. Тимковский был первым ученым Харьковского университета, который рассматривал социально-экономические аспекты средневековья. И хотя его актовая речь «О поместьях» (1810) базировалась в основном на отечественном материале, в ней содержался ряд экскурсов в историю аграрных отношений средневековой Западной Европы. И. Ф. Тимковский, в частности, показал, как именно происходил передел земель римской знати в новых варварских королевствах. Земельные владения в средневековой Западной Европе он классифицировал на две группы: «постоянные и свободные», «временные и зависимые». К первой И. Ф. Тимковский относил,

в частности, вотчины и аллоды, ко второй — лены (феоды) [26, с. 12]. Несмотря на явную избирательность примеров при изображении передела земель в германских государствах, представленная им характеристика аллода и феода принята без особых изменений и в современной науке. В своей речи ученый кратко осветил положение крепостных и зависимых крестьян и показал суть феодальной иерархии, основанной на отношениях земельной собственности [26, с. 17].

Таким образом, И. Ф. Тимковский наметил контуры двух проблем, которые будут исследовать впоследствии многие харьковские медиэвисты: социально-экономические отношения и значение византийского права в средние века.

Сущность экономической политики государства, в том числе в эпоху средневековья, рассматривал И. Дьячков в своей речи «О выгодах торгового балланса» (1825). Поставив вопрос о причинах могущества государств, И. Дьячков считал, что это могущество обусловлено не одной, а совокупностью ряда причин — и удачными войнами, и богатствами, и образованием, и торговлей [27, с. 2]. На одной из составляющих этого процесса — на развитии торговли — И. Дьячков и останавливался подробно в своей речи. В той ее части, которая представляла собой экскурсы в средневековье, примерами для противоположного сравнения ученого стали Испания и Португалия с одной стороны, Англия — с другой. И. Дьячков считал вполне оправданным активное вмешательство феодального английского государства в экономику и запрет, наложенный на вывоз шерсти и овец. Ученый не пояснял при этом, что данный запрет стимулировал развитие английской суконной промышленности и не указал на время издания соответствующих правительственных распоряжений. Тем не менее, И. Дьячков удачно противопоставлял этой продуманной политике английских королей неэффективную экономическую политику Испании и Португалии, где «самые жестокие узаконения не могли воспрепятствовать вывозу огромных сумм за границу» [27, с. 9]. Этот процесс ученый справедливо связывал с тем, что «Португалия и Гишпания, овладев золотыми рудниками Америки, оставили земледелие и вообще промышленность, думая, что, обладая золотом, все иметь можно» [27, с. 9]. Таким образом, И. Дьячков выступал за протекционизм, появившийся в ряде государств еще на рубеже XV—XVI вв.

Если И. Дьячков сосредотачивался целиком на экономических проблемах, то в основном социальные отношения средних веков рассматривал профессор политэкономии и дипломатики Т. Степанов в речи «О сущности, важности и назначении политических наук» (1833). В истории, которую он называл «блюстительницей фактов, людей, обществ и народов», ученый особо выделял столкновения между отдельными «классами общества» [28, с. 6]. «От самого начала учреждения обществ до нынешнего времени, — указывал Т. Степанов, — борьба непрерывная владычествовала внутри оных. Один класс старался оспаривать права и преимущества у другого, один класс стремился основать свое возвышение на гибели прочих» [28, с. 9]. Эта общая формула применимо к эпохе средневековья под пером автора приобретала типичную для феодализма социальную специфику: «Власти духовные спорили о своих правах с властями светскими, и самые светские были в непримиримой борьбе между собой. Вассалы восставали против своих царей и в то же время увековечивали вражду свою одни к другим... Ремесленники и купцы таились с своими богатствами от корыстолюбия сильных; земледельцы терпели угнетения под игом тогдашнего своего состояния...» [28, с. 11]. Позднее средневековье, «когда феодализм со всеми исчадиями междоусобия постепенно сокрушался под могущественной рукой самодержавия», по справедливому замечанию автора, несколько не ослабило ожесточенности классовых отношений: «новая жизнь общественная возродила новые притязания классов и вместе породила новые мязжи» [28, с. 12]. Саму эпоху средневековья, в духе современной ему историографии, Т. Степанов называл эпохой «глубокого невежества, суеверий, варварства» [28, с. 23], а силой, пытавшейся сплотить средневековую Европу, раздираемую внутренними

и внешними войнами, он считал христианство [28, с. 24]. Однако, по сути, признав закономерность классовых столкновений, Т. Степанов в то же время утверждал, что нельзя говорить о каких-то законах «для жизни народов», а «факты показывают, что сии законы не существуют» [28, с. 14]. В этом заключалось главное противоречие его работы, наиболее уязвимое для критики.

Как уже отмечалось, наряду с социально-экономическими вопросами, другой проблемой, затронутой еще И. Ф. Тимковским и ставшей объектом изучения харьковских ученых, была проблема роли и значения византийского права в средние века.

Значение Юстиниана в кодификации римского права и влияние византийских юридических норм на народы средневековой Европы подчеркивал И. Ланг в речи «Об изучении юридических и политических наук» (1810) и Г. Гордеенков в речи «О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи» (1835). «Всяк исполняется благовоением к сей законодательной мудрости, — указывал на заслуги Юстиниана И. Ланг. — Трон римского владычества был ниспровержен, но победители подвергли себя законам побежденных» [29, с. 99]. Это правило, по И. Лангу, прочно действовало в средние века «у западных народов», «в чуждых государствах, родившихся из развалин римского» [29, с. 99]. Высоко отзывался о «славном Юстинианове своде» и Г. Гордеенков. «Истинно великие правители народов были всегда законодатели», — подчеркивал он и в числе таких правителей раннего средневековья называл Юстиниана и Карла Великого [30, с. 2, 6]. Однако, в отличие от И. Ланга, Г. Гордеенков был более критичен в оценке практической стороны византийского законодательства, исполняемости самих законов ромеев: «Если мы соображаем высокое достоинство Юстинианова законодательства, почтенного названием разума в письменах, с летописями Восточной Греческой империи, мы поражаемся невольным удивлением, отчего империя эта была в таком злополучном состоянии, жизнь гражданская поражена была такими болезнями, между тем как законы были превосходны? Удивление наше объяснится, если История права скажет нам, что законы тогда были совершенно отделены от прочих элементов гражданской жизни...» [30, с. 19]. И хотя Г. Гордеенков, подобно Э. Гиббону, излишне упрощенно и категорично трактовал характер византийской истории, он все же пытался указать на одну из причин упадка Византии.

Г. Гордеенков был не первым харьковским ученым, критически оценивавшим эффективность византийского законодательства. Еще Г. Успенский в речи «Рассуждения о древности и достоинстве законов российских» (1814) пытался сравнить византийское и древнерусское законодательства. «Важнейшие сего рода доказательства (о древности русских законов. — С. А.) составляют заключенные руссами в десятом веке по Р. Хр. с греческим императором договоры», — подчеркивал ученый. При сопоставлении византийского и русского законодательства Г. Успенский ограничивался лишь договорами 912 и 945 гг. При этом автор указывал на упоминания о русских законах в статьях № 3 и 4 договора Олега, в статьях 4 и 7 договора Игоря [31, с. 8]. И хотя впоследствии известный харьковский историк Н. А. Лавровский подчеркнет в первую очередь византийскую основу договоров [32, с. 4], заслуживает внимания сам критический подход и сравнительный анализ Г. Успенского. В той части своей речи, которая касалась зарубежного средневековья, этот анализ ученый применил еще раз, сравнивая положения древнерусского законодательства и законодательств раннесредневековых германских народов в вопросе о праве дочерей на наследство [31, с. 26].

К сочинениям И. Ланга, Г. Гордеенкова и Г. Успенского тематически примыкала речь К. Михайловского «О начале и происхождении российского законодательства» (1823). В то же время, ее качественные отличия несомненны. Речь К. Михайловского, несмотря на небольшой объем, представляла собой по-настоящему научное исследование с хорошей аналитической составляющей, критикой историографии, постоянными ссылками на источники («Салическая Правда», Иордан, Прокопий Кесарийский). Наконец, практически вся речь, а не отдельные ее части, посвящена эпохе средневековья.

Признавая высокую степень культурного, научного, конфессионального влияния Византии на Русь [33, с. 15], К. Михайловский пытался разобраться, только ли этим влиянием следует объяснять формирование средневекового русского законодательства? Автор не отрицал, что «мирные договоры Олега и Игоря с греками, писанные на греческом и славянском языках, могли послужить В. К. (Великому Князю. — С. Д.) Ярославу... материалом для составления полной системы письменных законов» [33, с. 16]. В то же время, не ограничиваясь этой по сути хрестоматийной точкой зрения, К. Михайловский предпринял попытку подробного анализа историографии и источников по данному вопросу. Этот анализ позволил автору указать на аналогии русского права не только с византийскими, но и с германскими юридическими памятниками: «Но сама Русская Правда, по мнению некоторых писателей, заимствована В.К. Ярославом из Старо-Германских или Северо-Готфских законов, принесенных с Рюриком, что показывает ее сходство с законами Салическими» [33, с. 17]. К. Михайловский сопоставил ряд статей скандинавских законов со статьями Русской Правды и подтвердил отмеченное историографией сходство, в том числе в размерах вергельда (виры) [33, с. 19–20]. В то же время это сходство, по мнению харьковского ученого, вовсе не значит, что, как утверждал Шлецер, «славяне до Рюрика не имели у себя никаких законов». В опровержение мнения Шлецера, К. Михайловский ссылаясь на Прокопия, который еще в VI в. упоминал о законах у славян. Однако авторитет громких имен настолько подавлял адъюнкта К. Михайловского, что в заключении своей речи он, по сути, свел на нет многие из полученных им результатов, когда отмечал: «Итак, из всех сих исследований я согласно с мнением Струбе и Шлецера заключаю, что уголовные законы, содержащиеся в Ярославовой Русской Правде, заимствованы из древнегерманских, или Готфских законов, которые известны были славянам еще в странах балтийских; гражданские же установления Ярослава заняты от римлян на Дунае» [33, с. 24–25]. Такая склонность к научным компромиссам была естественна для раннего этапа развития отечественной науки.

История средних веков рассматривалась не только в речах историков, философов, математиков, юристов. Согласно «Перечню читаемых дисциплин», в Отделении физических и математических наук фигурировал предмет «военные науки» [34, л. 3–4]. Этот предмет с 1815 г. читал один из первых выпускников Харьковского университета М. Робуш [35, л. 11]. В его речи «Взгляд на военные науки у древних и новейших народов» (1822) значительное место было уделено средним векам, хотя именно эта часть речи наиболее противоречива. Так, заявив о том, будто «военная наука, уже едва известная при падении Западной империи, совсем исчезла под развалинами оной, и появилась в Европе по прошествии 3–4 веков?» [36, с. 7], автор в то же время указал на успешные походы Хлодвига и его преемников. Первые из средних веков с их войнами, где, по выражению М. Робуша, «везде толпы войска без порядку и искусства», мало отличались в его изложении от последних: «Изобретение пороха не усовершило военной науки; оно доставило только новые способы к истреблению и нанесло последний удар рыцарству» [36, с. 8]. Более того, строгость своего приговора огнестрельному оружию М. Робуш довел до того, что утверждал, будто оно «еще более остановило успехи тактики, ибо с этого времени армии перестали сходиться, и случай еще более, а соображения менее начали управлять жребием сражений» [36, с. 10]. Данные противоречия в рассуждениях М. Робуша наверняка покажутся еще более масштабными, если учесть, что полководцами, которые, по его словам «восстановили военную науку», он считал шведского короля Густава II Адольфа и голландского принца Морица Нассаусского. При этом о Густаве, как «восстановителе» военных наук, автор говорил на протяжении своей речи три раза! Однако общеизвестно, что успехи шведов, помимо железной дисциплины, объяснялись активным применением ручного огнестрельного оружия и облегченных полевых орудий, а Густав не только не возрождал, вопреки утверждению автора, значения пикинеров,

но, напротив, увеличил количество стрелков. Наконец, трудно поверить, читая речь М. Робуша, что военная наука средневековой Европы не выдвинула в эпоху между Хлодвигом и принцем Нассаусским с Густавом II Адольфом никого, достойного упоминания.

В рассматриваемый период в Харьковском университете были защищены две магистерские диссертации, в которых в той или иной степени затрагивались проблемы изучения средневековой истории. Первой по времени стала диссертация Н. Корсуна «Рассуждение о том, в чем состоит сущность истории и какой надлежащий способ ее изучения» (1824). Очень сжатая (32 стр.), по сути пренебрегающая необходимой для научной работы серьезной источниковой базой, она была написана в духе провиденциализма, что во многом отражало тенденции отечественной науки. «История в сущности своей, — полагал Н. Корсун, — есть ничто иное, как наука, показывающая духовный путь, по коему Превечный ведет чад времени к приобщению их своей любви, или к их истинному блаженству, от вечности им предопределенному» [37, с. 10.] В числе наук, которые, выражаясь языком автора, «споспешествуют» изучению истории средних веков, он называл прежде всего дипломатику, генеалогию, геральдику [37, с. 17–18]. Средневековые же исторические сочинения Н. Корсун оценивал в духе ученых эпохи Просвещения: «Позднейшие же писатели истории, восточные и западные в Средних веках слишком удалились от своих предшественников и образцов. Исторические сочинения сего времени были только скудные труды грубых монахов или одни сухие хроники. Но со времени Возрождения наук История получила деятельных любителей на своем обширном и богатом поприще» [37, с. 20].

Большую роль в преподавании в Харьковском университете в первой половине 30-х гг. истории средних веков сыграл потомок сербских эмигрантов В. Ф. Цых (1805–1837). Его научно-педагогическая деятельность здесь продолжалась всего три года (1831–1834), поскольку В. Ф. Цых вскоре перешел в только что учрежденный Киевский университет. При выборе кандидата на должность профессора кафедры всеобщей истории этого университета В. Ф. Цыха предпочли Н. В. Гоголю, который уже тогда был известен как автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» [11, с. 258]. Попутно заметим, что В. Ф. Цых вскоре будет избран ректором Киевского университета.

В Харькове, несмотря на свое непродолжительное пребывание здесь, В. Ф. Цых снискал себе большую популярность среди студентов. «Только со вступлением на кафедру Цыха поняли мы истинное научное значение истории», — подчеркивал один из них. «Цых был идолом студентов, — подчеркивал другой. — Это был в полном смысле слова европейский профессор по глубине своих познаний, мастерству изложения лекций и изумительной памяти» [4, с. 2]. В то же время, о лекциях В. Ф. Цыха с большой сдержанностью отзывался Н. И. Костомаров [38, с. 20], а В. П. Бузескул, владевший некоторыми его лекциями по истории XV–XVI вв., утверждал, что В. Ф. Цых почти ничего не читал о Лютере и в целом о Реформации, «о гуманистах, даже немецких, ни слова» [4, с. 4].

О воззрениях В. Ф. Цыха на историю средних веков мы можем судить лишь по его магистерской диссертации «О способе преподавания истории» (1833). Она содержала в себе ряд передовых идей и включала в себя, помимо основного предмета исследования, анализ и классификацию современной автору историографии, а так же общий его взгляд на основное содержание истории средневековья. В ней автор предстает перед нами как приверженец изучения не только внешней, но и внутренней истории средневековой эпохи. В. Ф. Цых выделял следующие объекты изучения: «...характер германских народов, их обычаи и постановления; различные зародыши гражданственности; картины Европы во время всеобщего движения народов; занятие новыми народами земель; перемена образа их жизни и отношений; борьба элементов гражданского быта

германцев с остатками римского; век Карла Великого; феодальная система; раздробление феодальных земель; муниципальная система; происхождение ее и борьба с феодализмом, внутреннее ее развитие, соединение ее с властью монархической; постепенное возвышение единовластия; упадок феодальной системы; происхождение класса свободных землевладельцев» [39, с. 112]. Таким образом, выступая за необходимость изучения внутренней истории, В. Ф. Цых критиковал многих своих современников, для которых «внутренняя история была чем-то придаточным, дополнительным» [39, с. 124].

В числе других недостатков современной ему медиэвистики он отмечал неумение правильно показать «постепенное смешение, соединение различных элементов... в брожении в начале средней истории; открыть всякого происшествия смысл и значение» [39, с. 35–36]. В отличие от Эйхгорна, Гейнриха, Робертсона, Юма, Ремера с этой задачей, по мнению В. Ф. Цыха, успешно справлялись лишь Гизо, Тьерри, Барант, и «с некоторой стороны Симон де Сисмонди» [39, с. 35]. Это, впрочем, не помешало В. Ф. Цыху назвать учебник Ремера лучшим пособием по истории средних веков. Показательно, что признав «немецкий способ преподавания» более эффективным для высшей школы, чем французский, В. Ф. Цых предлагал ввести в учебный процесс изучение исторических источников [39, с. 103–104].

И все же в диссертации В. Ф. Цыха содержится немало противоречивых положений. Так, неоднократно выступая за необходимость глубокого изучения внутренней истории, ученый в выводах работы отодвигает ее на второй план: «Главные элементы человечества суть: религия, гражданственность, ученое образование; второстепенные: быт военный, торговля и быт общественный» [39, с. 126–127]. Здесь же В. Ф. Цых подчеркивал: «история происшествий должна предшествовать в преподавании истории внутренней» [39, с. 127]. Научная непоследовательность В. Ф. Цыха в данном случае очевидна.

В своих воззрениях на суть исторического процесса В. Ф. Цых находился под сильным влиянием передовой в то время гегелевской философии. В этом легко убедиться, ознакомившись с его взглядами на периодизацию всемирной истории. Вместо традиционного ее деления на древнюю, среднюю и новую, ученый предлагал другие этапы: историю азиатского человечества, историю греков и римлян, и историю «народов новейших» [39, с. 89]. Напомним, что еще в своей «Философии истории» Г. В. Ф. Гегель делил историю цивилизации на триаду: восточный, греко-римский и германский мир [40, с.18].

В рассматриваемый период харьковскими учеными не было опубликовано курсов лекций по истории средних веков. Единственным университетским учебным изданием, содержащим в себе средневековый материал, был «Конспект, или краткое обозрение дипломатики вообще» (1829) профессора нравственно-политического отделения К. Пауловича. В «Конспекте» мало общих замечаний об истории средних веков, за исключением привычного для ученых того времени взгляда на европейское средневековье, как на эпоху «чрезвычайного невежества» [41, с. 44]. В то же время, работа К. Пауловича, как никакая другая, опубликованная в рассматриваемый период, содержала в себе множество частных замечаний, интересных современным медиэвистам. При этом данные замечания касаются не только средневековой Западной Европы, но и Византии, а также зарубежных славянских народов, особенно чехов. Однако даже в последнем случае содержание «Конспекта» вряд ли может посягнуть на незыблемость общеизвестного утверждения о том, что университетское славяноведение в Российской империи началось лишь с 1835 г. [42, с. 89–90].

Дав определение дипломатике, как науке, «излагающей правила, по коим можно читать, понимать дипломы и различать истинные от ложных» [41, с. 3], К. Паулович вполне профессионально изложил в своем «Конспекте» особенности языка, правописания, писчего материала, подписей, печатей, хронологии средних веков. Третий отдел «Конспекта» «Формулярная или дипломатическая риторика» был целиком посвящен средневековой эпохе, поскольку саму дипломатическую риторику автор назы-

вал наукой, которая рассматривает «содержание дипломов средних веков, торжественные их формулы, расположение и состав оных» [41, с. 67]. Подчеркнем еще одно несомненное значение издания К. Пауловича. При отсутствии в учебном процессе Харьковского университета практических занятий по истории средних веков, занятия по дипломатике могли отчасти компенсировать это отсутствие и формировать у студентов навыки работы с историческими источниками.

Помимо ученых университета к истории средних веков обращался в рассматриваемый период и его выпускник, учитель исторических наук Украинско-Слободской гимназии С. Есикорский. Он был автором первого, вышедшего в Харькове, гимназического учебника «Всемирная история» (1819), доведенного им до падения Западной Римской, а также двух речей: «О единственной, или верховной цели просвещения» (1817) и «Опыт исторической очевидности промысла Божия у всех народов и во всех веках» (1822). Речи объединяет общая провиденциальная идея, выраженная в творчестве С. Есикорского гораздо отчетливее, чем в творчестве большинства других харьковских ученых. Так, назвав «виновниками распространения просвещения в Европе» Козимо и Лоренцо Медичи [43, с. 18], автор считал верховной целью этого просвещения «приближение человека к Божеству» [43, с. 27]. Между тем, ослабление религиозных чувств в эпоху гуманизма общеизвестно. Гораздо более доказательными представляются выводы второй речи С. Есикорского. Для обоснования своего тезиса о непрестанном попечении Всевышнего «о сохранении порядка вещей», автор обратился к ключевым событиям Западной Европы XIII—XVII вв. Утрату Португалией независимости в XVI в. и включение ее территории в состав Испанского королевства он считал справедливым возмездием за колониальный грабеж Америки и Азии и массовое уничтожение португальскими колонизаторами местного населения [44, с. 17]. В свою очередь Испания, «облекшись в убийственные доспехи инквизиции, производит такие же неслыханные ужасы» и в результате «гнев Божий... поражает державу сию в царствование Филиппа II», а Непобедимая армада, посланная против Англии, была сокрушена «десницей Божьей в виде бури» [44, с. 17–18]. Сама Англия, вопреки «небесному правосудию» намеревается захватить Францию в Столетней войне и за попытки Генриха V похитить французскую корону была наказана сначала победами Жанны д'Арк, а затем и войной Алой и Белой Роз, в которой «кровь пролитая отцами, платится кровью детей». «Какая очевидность промысла Божия! Какая точность в мере и возмездии!» — подчеркивал С. Есикорский [44, с. 19].

Распространению знаний об истории средних веков способствовали также популярные и историко-художественные издания Харькова. Так, в «Календаре на лето Господне 1809», переведенном в Харьковском коллегииуме с польского языка, наряду с такими глобальными событиями, как «Сотворение мира», «Ноев потоп», «Рождество Христово» фигурировали семь крупнейших происшествий и изобретений средних веков («От Египта или бегства Магометова», «От разделения Восточной церкви от Западной», «От изобретения пороху», «От вымышления пушек», «От вымышления печатных книг», «От взятия турками Константинополя», «От открытия Америки») [45, с. 29].

Примером удачного историко-художественного издания стали «Исторические анекдоты и избранные изречения известных людей» (1826) писательницы Л. Кричевской. [46]. Несмотря на то, что она довольно небрежно обходилась с хронологией, постоянно тасуя средневековые сюжеты с сюжетами эпохи древности и нового времени, и не указывала источники данных сюжетов, тем не менее, по насыщенности материалом из истории средних веков это издание может считаться самым обширным изданием рассматриваемого периода. Из 229 сюжетов 77, т. е. 1/3 были посвящены истории средневековья, главным образом истории Франкского государства и Франции (более половины), а так же Англии, Испании, империи Габсбургов, папства и Италии, истории арабов и турок. Об интересе к истории средних веков свидетельствовало и появление литературных произведений о той эпохе в харьковском «Украинском

журнале». Примечательно, что в одном лишь № 9 за 1824 год читатель мог найти сразу две соответствующие публикации: «Мария. Повесть XV в.» об эпохе французского короля Карла VIII [47, с. 112–133] и «Рыцарь. Древняя немецкая баллада» [48, с. 133–135]. И хотя редакторы не указали авторов этих произведений, сообщив лишь инициалы переводчика баллады («А.-С.» — А. В. Склабовский), тем не менее, вклад этих публикаций в популяризацию истории средних веков целиком очевиден.

Подводя итог изучения харьковскими учеными в 1804–1835 гг. истории средних веков, следует признать, что Харьковский университет с полным правом может считаться центром медиевистики украинских земель Российской империи первой трети XIX в. Исследования, в которых в той или иной степени затрагивалась средневековая тематика, создавались здесь в течение всего рассматриваемого периода. Этими исследованиями являлись 18 актовых речей, две магистерские диссертации и опубликованный конспект по дипломатике. Проблемами, вызывавшими наибольший интерес харьковских историков были: состояние науки и просвещения в средние века, влияние византийского права на Русь и другие народы Европы, международные отношения. Затрагивались харьковскими учеными и некоторые социально-экономические аспекты (развитие торговли, системы протекционизма, форм землевладения и т. д.). Западные концепции историков Просвещения XVIII в., а с 30-х гг. и новая гегелевская философия истории оказывали огромное воздействие на их творчество. В то же время традиционно сильным было и влияние провиденциализма. В географическом плане работы харьковских ученых охватывали страны Западной Европы, Византию, Восток, европейские колонии в Америке, а также (фрагментарно) историю зарубежных славян. В рассматриваемый период наибольший вклад в изучение и преподавание истории средних веков внесли А. А. Дегуров, И. Ф. Тимковский, В. Ф. Цых. Именно они заложили в Харьковском университете традиции и фундамент последующих исследований по истории средних веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутнова Е. В. *Историография истории средних веков.* — М.: Высшая школа, 1985. — 479 с.
2. *Рославский-Петровский А.* Указатель сочинений, напечатанных в типографии Харьковского университета в 1805–1814 гг. — Х.: Тип. ун-та, 1866. — 54 с.
3. *Чириков Г. С.* Указатель книг и брошюр, напечатанных в Харькове с 1805 по 1879 г. — Х.: Губернская тип., 1890. — 61 с.
4. *Бузескул В. П.* О лекциях В. Ф. Цыха, профессора Харьковского университета в 30-х гг. прошлого века. — Х.: Печатное дело, 1910. — 7 с.
5. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX—начале XX в. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929. — Ч. 1. — 218 с.
6. *Лиман С. І.* Англійська середньовічна історія та історіографія у працях медієвістів України XIX ст.//Вісник Харківської державної академії культури. — 2004. — Вип. 12–13. — С. 43–53.
7. *Лиман С. І.* Проблеми середньовічного міста в працях медієвістів України в 1805–1880-ті рр.//Науковий вісник Ужгородського національного університету. — Сер. Історія. — 2003. — Вип. 9. — С. 201–209.
8. *Лиман С. І.* Проблеми німецької історії й історіографії в працях медієвістів українських земель Російської імперії в 1805–1880-ті рр.//Вісник Харківської державної академії культури. — 2004. — Вип. 14. — С. 59–72.
9. *Лиман С. І.* Французька середньовічна історія та історіографія в працях медієвістів України в 1805–60-ті рр. XIX ст.//Вісник Харківської державної академії культури. — 2004. — Вип. 15. — С. 49–60.

10. *Лиман С. И., Сорочан С. Б.* Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1885 гг.)//Східний світ. — 2006. — № 1. — С. 71–86.
11. *Историко-филологический* факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). — Х.: Тип. А. Дарре, 1908. — V, 558 с.
12. *Обозрения* преподавания предметов в Харьковском университете за... (1805–1835 гг.). — Х.: Тип. ун-та, 1805–1835.
13. *Дегуров А. А.* Критика истории и ее защищение//Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета (РПТСХУ) от 30 августа 1808 г. — Х., 1808. — С. 32–47.
14. *Дегуров А. А.* О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света//РПТСХУ от 17 января 1812 г. — Х., 1812. — С. 40–50.
15. *Вольтер.* Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII. — СПб.: Тип. ун-та, 1829. — 436 с.
16. *Якоб А.* О влиянии университетов на образование и благосостояние народов //РПТСХУ от 17 января 1808 г. — Х., 1808. — С. 68–86.
17. *Роммель Х. В.* О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения //РПТСХУ от 30 августа 1811 г. — Х., 1811. — С. 48–58.
18. *Филомафитский Е.* Об истинной цели образования человека посредством наук и изящных искусств//РПТСХУ от 30 августа 1821 г. — Х., 1821. — С. 29–43.
19. *Чанов Ф.* Об основных формах, изображающих явления нравственной жизни //РПТСХУ от 30 августа 1832 г. — Х., 1832. — С. 1–128.
20. *Байков М.* О счетных системах//РПТСХУ от 30 августа 1824 г. — Х., 1824. — С. 1–20.
21. *Бубнов Н. М.* Происхождение и история наших цифр. — К.: Тип. С. В. Кульженко, 1908. — 196 с.
22. *Письмо* графа С. О. Потоцкого Слободско-Украинскому губернатору И. И. Бахтину [Об учреждении Комитета правления по делам университета]. — Государственный архив Харьковской области. — Ф. 3. — Оп. 10. — Ед. хр. 112. — Л. 19.
23. *Письмо* И. Ф. Тимковского Слободско-Украинскому губернатору И.И. Бахтину [О мерах против Изюмского предводителя дворянства Капустянского]. — Ф. 3. — Оп. 10. — Ед. хр. 112. — Л. 208.
24. *Шугуров Н. В.* 1891. Илья Федорович Тимковский, педагог нашего времени //Киевская старина. — №8. — С. 212–236; № 9. — С. 375–406; № 10. — С. 82–97.
25. *Тимковский И.* О применении знаний к состоянию и цели государства//РПТСХУ от 17 января 1808 г. — Х., 1808. — С. 3–28.
26. *Тимковский И. Ф.* О поместьях//РПТСХУ от 30 июня 1810 г. — Х, 1810. — С. 1–101.
27. *Дьячков И.* О выгодах торгового балланса//РПТСХУ от 30 августа 1825 г. — Х., 1825. — С. 1–19.
28. *Степанов Т.* О сущности, важности и назначении политических наук//РПТСХУ от 30 августа 1833. — Х., 1833. — С. 1–64.
29. *Ланг И.* Об изучении юридических и политических наук//РПТСХУ от 30 июня 1810 г. — Х., 1810. — С. 83–101.
30. *Гордеенков Г.* О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи//РПТСХУ от 30 августа 1835 г. — Х., 1835. — С. 1–30.
31. *Успенский Г.* Рассуждение о древности и достоинстве законов российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного Уложения и сходстве сего последнего с некоторыми преждебывшими у нас узаконениями//РПТСХУ от августа 1814 г. — Х., 1814. — С. 1–40.
32. *Лавровский Н. А.* О византийском элементе договоров русских с греками. — СПб.: Сенатская тип., 1853. — 155 с.
33. *Михайловский К.* О начале и происхождении российского законодательства //РПТСХУ от 30 августа 1823 г. — Х., 1823. — С. 15–25.

34. *Перечень* читаемых дисциплин и профессоров, которые их читали с 1805 по 1822 г. — Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. — № 943/с. — 8 л.
35. *Записка* о Харьковском университете (1805–1814). — Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. — № 1115/с. — 28 л.
36. *Робуш М.* Взгляд на военные науки у древних и новейших народов//РПТСХУ от 30 августа 1822 г. — Х., 1822. — С. 1–14.
37. *Корсун Н.* Рассуждение о том, в чем состоит сущность Истории, и какой надлежащий способ ее изучения. — Х.: Тип. ун-та, 1824. — 32 с.
38. *Костомаров Н. И.* Литературное наследие. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. — 246 с.
39. *Цых В. Ф.* О способе преподавания истории. — Х.: Тип. ун-та, 1833. — 128 с.
40. *Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. — М; Л: Соцэкгиз, 1936. — Т. 8. — 396 с.
41. *Паулович К.* Конспект, или краткое изложение дипломатики вообще. — Х.: Тип. ун-та, 1829. — 93 с.
42. *Славяноведение* в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. — М.: Наука, 1988. — 446 с.
43. *Есикорский С.* О единственной, или верховной цели просвещения. Речь, говоренная при публичном испытании учеников Слободско-Украинской гимназии. — Х.: Тип. ун-та, 1818. — 40 с.
44. *Есикорский С.* Опыт исторической очевидности промысла Божия у всех народов и во всех веках. Речь, произнесенная при публичном испытании учеников Слободско-Украинской гимназии//Сочинения и переводы студентов Харьковского университета. — Х., 1822. — С. 1–23.
45. *Календарь* на лето Господне 1809. — Х.: Тип. ун-та, 1809. — 127 с.
46. *Исторические* анекдоты и избранные изречения известных людей/Издание Любови Кричевской. — Х.: Тип. ун-та, 1826. — 107 с.
47. *Мария.* Повесть XV в./Украинский журнал. — 1824. — №9. — С. 112–133.
48. *Рыцарь.* Древняя немецкая баллада/Пер. А. С. (А. В. Склабовский)/Украинский журнал. — 1824. — № 9. — С. 133–135.

Summary

S. Liman. Medieval History in the Works of Kharkiv Researchers (1804–1835)

The article dwells on the history of study of problems of foreign Middle Ages by Kharkiv scientists in 1804–1835. Those problems were: the condition of science and education in Middle Ages, effect of Byzantine law on Rus, international relations. Kharkiv scientists also turned to certain social and economic aspects (development of trade, protectionism systems, forms of land titles). The concepts of 18th century Education historians and from 1830s also Hegelian philosophy of history exerted a gigantic effect on their workings. At the same time the influence of providencialism remained traditionally strong. The geography of works of Kharkiv scientists embraced West European countries, Byzantium, Middle East, European colonies in Americas as well as the history of foreign Slavic peoples (in fragments). During this period the most obvious contribution to the study and teaching of Medieval history was brought by A. A. Degurov, I. F. Timkovskiy, V. F. Tsykh.

